

Прозанимавшись каллиграфией целый час, Юй Бай осторожно положил кисть и размял слегка затёкшее запястье.

Хотя после переноса прошло всего три дня, а всерьёз учить традиционные иероглифы и заниматься каллиграфией он решил только вчера, теперь старался ежедневно выделять на это время.

Дом прежнего хозяина тела был крыт соломой, но семья всё же не бедствовала. Его отец сам был туншэном и учил сына грамоте. Глубоких знаний у прежнего Юй Бая не было, но читать и писать на базовом уровне он умел. Это избавило нового Юй Бая от огромной проблемы.

К тому же до апокалипсиса директор приюта, вырастивший Юй Бая, увлекался традиционной культурой и когда-то заставлял целую компанию непоседливых детей учиться писать кистью, называя это «воспитанием характера». А в университете Юй Бай ещё и числился в каллиграфическом кружке.

Благодаря старой базе и мышечной памяти прежнего хозяина тела после нескольких сосредоточенных занятий его мелкий устав уже выглядел вполне прилично — по крайней мере, читать можно было.

С традиционными иероглифами рука пока шла неуверенно, но, сверяясь с несколькими книгами, оставшимися от отца прежнего Юй Бая, он с помощью догадок уже освоил около сотни знаков.

Юй Бай аккуратно убрал сегодняшние листы с упражнениями. Бумага, тушь, кисти и тушечница остались от отца прежнего хозяина тела. Ничего выдающегося, зато всё необходимое имелось.

Подумав о горах бумаги, ручек и канцелярии, которые лежали в его пространстве после «бесплатных закупок» в магазинах во времена апокалипсиса, Юй Бай снова поблагодарил себя прежнего за привычку: «увидел — забрал, пригодится или нет разберёмся потом». За десять лет он объездил всю страну, заглядывал и в места производства сюаньской бумаги, и туда, где делали кисти, тушь и прочие принадлежности.

Убрав всё на место, он вынес маленькую скамеечку и сел во дворе, там, куда падало солнце. Тёплые лучи ранней весны прогоняли утренний холод. Юй Бай прищурился и задумался о вполне насущном вопросе — заработке.

Жить, проедая запасы, нельзя. Содержимое пространства было его козырем, и пользоваться им открыто не стоило. Нужен был доход, который можно объяснить.

Сбор лекарственных трав — отличный вариант. С его способностью стихии дерева преимущества были огромными.

Но сейчас только начало второго месяца. Большинство трав либо ещё не взошли, либо вошли в важную фазу роста, когда их нельзя массово собирать. В этом месяце на них рассчитывать не приходилось. Зато в следующем можно было заняться этим всерьёз.

Продавать еду? Готовил он прекрасно. До апокалипсиса был фуд-блогером, за десять лет катастрофы навык только отточился, так что любые закуски и сладости делал без труда. Но вставать затемно, весь день стоять у огня и дышать дымом — слишком утомительно. В апокалипсисе он уже достаточно намучился. Теперь хотелось качества жизни. Pass.

Открыть своё дело? Магазин? Слишком хлопотно. Нужно общаться с кучей людей, решать массу вопросов — совсем не то, ради чего он хотел спокойно жить в Таоси. Домработник? Няня для младенцев? Прислуга? Юй Бай сам рассмеялся этой мысли. Кому здесь вообще нужны такие услуги?

Он невольно вспомнил, как до апокалипсиса государство устраивало для сирот вроде него всевозможные бесплатные курсы, называя это «дать удочку, а не рыбу». За посещение занятий ещё платили по пятьдесят юаней в день.

Тогда он был молод, энергичен и придерживался принципа «если можно получить бесплатно — грех не взять», поэтому прошёл вообще все доступные курсы.

Кулинария, выпечка, вышивка, плетение из бамбука, основы бизнеса, бытовой уход, уход за матерью и младенцем... Чего он только не изучал.

В университете, чтобы зарабатывать на жизнь, он брался за самые разные подработки. Теперь та безумная гонка за навыками неожиданно стала одной из главных опор в этом незнакомом мире.

Плетение из бамбука? Он умел делать красивые вещи. Но здесь почти каждая семья сама плела корзины, решета и прочую утварь. Спрос небольшой. Pass.

Вышивка... Юй Бай задумался.

По памяти прежнего хозяина тела здесь и женщины, и гэ-эры обязаны были уметь рукодельничать, но узоры на вышивке обычно были однообразными, цвета — простыми. Главное — плотные стежки и прочность. А вот в изяществе и художественности изделия проигрывали.

Юй Бай действительно учился вышивке у мастера нематериального культурного наследия. До настоящих великих мастеров ему было далеко, но узоры, техники и сочетания цветов он знал намного лучше среднего человека этой эпохи. Даже сложную двустороннюю вышивку с разными изображениями с двух сторон мастер, видя его интерес, когда-то ему показывал.

А в пространстве хранились современные схемы: цветы, птицы, насекомые, рыбы, мультяшные персонажи, абстрактные орнаменты — всё что угодно. Ниток было сотни оттенков, гладких и блестящих. Ткани тоже были самых разных видов. Особенно...

Глаза Юй Бая загорелись.

Шёлк!

В памяти прежнего хозяина тела шёлк был редкостью, почти товаром уровня подношений двору. До простых людей доходил редко и стоил очень дорого.

Отец прежнего Юй Бая потратил целых пять лянов, чтобы купить папе кусок шёлка на нижнюю одежду, и тот хранил ткань как сокровище.

А в пространстве Юй Бая лежали целые рулоны шёлка! В самом начале апокалипсиса его команда однажды зачистила большой район, где производили шёлк. Всё было из стопроцентного натурального волокна: шёлковые ткани, атлас, тонкая ткань, парча — чего только не было.

Другие хватали готовую одежду и еду, на сырьё никто не смотрел. Только Юй Бай со своим принципом «раз бесплатно — беру» почти опустошил складские запасы всего уезда.

И не только шёлк: хлопковая ткань, пух, шёлковые одеяла, готовые и полуготовые материалы, бесчисленные вышивальные иглы, нити всех цветов... Ему хватило бы на эту жизнь, следующую и ещё одну после неё.

Разобравшись, Юй Бай сразу понял направление.

Продавать вышивку. И делать ставку на дорогие, изысканные изделия.

Хороший материал, необычные узоры, отличная техника — за такое наверняка будут платить. А главное, работа чистая и тихая, можно сидеть дома. Идеально.

Решив — делай. Юй Бай шевельнул мыслью и достал из пространства квадратный кусок белого шёлка примерно двадцать на двадцать сантиметров. Ткань была мягкой, гладкой, с приглушённым блеском.

Следом он достал лист с переводным рисунком пухлого, забавного карпа кои. Яркая красная рыба выглядела округлой и живой, символизировала удачу, благополучие и мир. В этой эпохе такой узор должен был понравиться.

Юй Бай осторожно наложил бумагу на шёлк, закрепил её, затем взял тонкую иглу, окунул

кончик в специальную краску и начал намечать контуры.

Работа требовала огромного терпения. Карп был маленьким, но каждую чешуйку, хвост и выражение морды нужно было обозначить точно, иначе живости не получится.

Полчаса незаметно утекли сквозь пальцы. Когда контур последней чешуйки наконец лёг на место, Юй Бай выдохнул, отложил иглу и удовлетворённо посмотрел на уже проступившую фигуру карпа. Затем широко потянулся и размял затёкшую шею.

Тук-тук-тук.

Юй Бай замер и мгновенно убрал обратно в пространство шёлк, иглы, нитки, переводной лист и всё остальное, чего не должно было существовать в эту эпоху. Быстро осмотрел комнату, убедился, что ничего подозрительного не осталось, поправил одежду и только потом пошёл открывать.

За воротами стояли трое: старшая тётушка Чжао, вторая тётушка Чжао и живой, бойкий юный гэ-эр — Чжао Юэ.

<http://bllate.org/book/19010/1867561>